

Перед «зеброй»

Где-то есть на земле и Рейкьявик, и Рим, и Ницца,
и на праздничном небе мерцают хвосты комет...
Он стоит перед «зеброй», а мстительный красный свет
вот уж тысячу лет не желает другим смениться,
словно тянет акын заунывный, как степь, куплет.

Он всегда был таким. Торопливым, как Санта-Клаус,
опасающийся опозданий на Новый год.
Из доступных режимов движенья— лишь «полный ход».
Как возникло то правило недопущенья пауз,
он не помнит уже. Слишком много других забот.

Да, ему говорили о людях, живущих просто,
про буддистский и неторопливый уход в себя...
От себя и в себя не уйдёшь: у него семья,
и работа, и пульс, редко менее девяноста—
доказательство адовой лёгкости бытия.

Ну а взгляды назад безнадежнее, чем Цусима:
ничего не изменишь. К былому возврата нет.
Этим глупостям пусть посвящает досуг поэт.

Но сейчас, подле «зебры», жизнь просто не-вы-но-си-ма
и пуста, и ничем не сменяется красный свет.

Тынь и Янь

Не знаясь ни с печальями, ни с окаянным бытом,
в любви и ожидании найдя свои таланты,
планеты Янь и Тынь по близким двигались орбитам,
по воле гравитации сходясь, как дуэлянты.

Возможно, траектории рассчитывал им Кеплер,
но то, что с ними было, нелегко понять науке...
При каждом приближении они от счастья слепли
и глохли, в сладком мареве забыв цвета и звуки.

По меркам астрономии особенная каста,
они считали нормою температуру Этны,
и не привлёк бы, видимо, писателя-фантаста
погрязший в бесконфликтности контакт инопланетный.

И в тусклом звёздном холоде вдруг начиналось лето,
в структуре мироздания казалась прочной кладка...
Знать не хотят империи периода расцвета
о скором приближении периода упадка.

Вычет

То, что с нами,—то и свято, даже если непрактично.
Право выбора, ребята, легитимно, но частично.
Вроде хаты были с краю, и вблизи—могилы предков...
Времена не выбирают. Страны—можно, только редко.

Ну а счастье, ну а нега—приукрашенные виды.
Снизу—риффы, сверху—небо. Посередке—вдох и выдох.
И стоишь, как впавший в кому, bubble gum во рту катая...
Эта местность нам знакома, как окраина Китая.

И доподлинно известно: где когда-то жили люди—
игроки, фанаты квеста, подсудимые и судьи,
солдафоны и толстовцы изливали жёлчь и душу,—
там сегодня блеют овцы, доедая волчью тушу.

Малость, крохотная малость, что невзрачна, как обноски,
совершенно потерялась при транзитной перевозке,
а без эдакой детали вся машина не фурычит.
Затянуло гарью дали. Незачёт. Точнее, вычет.

Понимаешь в одночасье, песни спетые итога,
что порою птица счастья на стервятника похожа.
Сколько тверди ни царапай—долгий день идёт к отбою...
Это время тихой сапой убивает нас с тобою.

Доживший

Ну сколько же можно, старче, забрасывать в море невод?
Пора отдохнуть бы, что ли... Зачем тебе эта фронда?
Неужто не надоело коптить в одиночку небо
и фильмы смотреть из древних коллекций Госфильмофонда,
где ладно поют девчата и сеют пшеницу хлопцы,
где домик с покатой крышей на старом солдатском фото?..
Ну сколько же можно, право, глядеть в глубину колодца,
себя убедить пытаюсь, что ты ещё помнишь что-то?
Покой—он ведь близко, рядом, как фатума рот разверстый;
уже не дожидаться счастья, здоровья и прочих выгод...
Зачем тебе, старче, это? Совсем же один, как перст, ты.
Пора бы поторопиться. Пора бы уже на выход.
Ты с прежним азартом псовым лакаешь уху из миски,
зачем-то в углах избушки, кряхтя, протираешь плесень...
Ну как ты не понимаешь: ты лишний в порту приписки;
всему государству худо от песен твоих и пенсий.
И коль ежедневным бедам конца не видать и края,
зачем просыпаться утром и вновь вылезать из кожи?!
Но смотрит старик, прищурясь, на белые створки рая
и шепчет: «Ещё не время».
И шепчет: «Чуток попозже».

Самоед

Ты сам себя привык без соли трескать,
и поедом себя сжираешь ты...
Но тут внезапно слышишь: любим, дескать;
нам, дескать, без тебя совсем кранты.
Хоть у тебя с Москвой договорённость,
что оба вы не верите словам,
становится чуть благодушней Хронос
и солнечнее—тесный твой вигвам,

и жизнь проста, и проходимы стёжки,
и каждый встречный—ближе и добрей,
и нервы тихо греются, как кошки,
лежащие у тёплых батарей.
Так легче на душе, так выше небо
и так взаимна тяга к ремеслу,
что кажешься себе краюхой хлеба,
в голодный год вдруг поданной к столу.

Репортаж

Пока что не тюрьма. Не «зона».
Лишь время загнано, как кляча,
и постепенно убывает
на пару с убываньем веры.
Врагов бояться нет резона.
Предательства друзей—тем паче.
Лишь равнодушие убивает
быстрей чумы или холеры.

Добро пожаловать на вертел
во времена велений щучьих.
Забудь любой декрет о мире.
Везде окопы и траншеи.
Уже давно написан «Вертер»,
уже давно как умер Фучик,
но вновь и вновь в прямом эфире
тот репортаж с петлёй на шее.

Скрипучи доски эшафота.
Ничто не ново. Это—тоже.
И кажется—конец основам.
И кажется, что шарик сдулся.
Но вдруг—взрезает воздух нота,
надежды глупые итожа,
и в мир немых приходит Слово—
живое, словно нитка пульса.

Гранж

У жизни хитёр оскал и законы жёстки.
Уж если она и гладит, то против шёрстки,
и мимо летит со скоростью иноходца.
И как ни следи, и как ни гадай, лошарик,
понять, под каким напёрстком запрятан шарик,
тебе не придётся.

Где прежде была равнина—теперь каверна.
Поющий «Merci beaucoup!»—оптимист, наверно.
А может быть, ценит музыку больше текста.
Картинка рябит в глазах, растворившись в гранже;
и липкий абстрактный страх, неизвестный раньше,
восходит, как тесто.

И всё тяжелей брести наобум скитальцам,
и всё тяжелей цепляться за воздух пальцам.
Хорошее меньше длится и реже снится.
Любая мечта—обман, пирамида Понци.
И цоевская звезда по имени Солнце
видна единицам.

Пронто

Мир вокруг опасен и неведом,
им владеют белки и скворцы...
Тротуар укрылся, словно пледом,
слоем аллергической пылицы.
Соблюдая дух погодной сводки—
дунул раз-другой и был таков,—
ветерок перебирает чётки
крохотных пушистых облаков.
Смотрит благосклонным взором фавна
солнце на безлюдный ряд аллей,
где летят на землю плавно-плавно
стреляные гильзы тополей.
Жизнь спешит куда-то в темпе пронто,
исчезая даром, просто так,
за далёкой кромкой горизонта,
где Земля стоит на трёх китах,
где, срываясь вниз, впадают реки
в пустоту небесных теплотрасс...
Мир как не нуждался в человеке,
так и не нуждается сейчас.

Игрушки

Казалось бы, огромная Вселенная,
не знающая ни границ, ни виз,
а ведь хрупка, как чашечка коленная,
как тоненький фарфоровый сервиз.
Нависли небеса громадой матовой
угрюмо, как над Терекком Дарьял.
Мы—человеки. Мы— скопленья атомов.
Игра ума. Расходный матерьял.
К чему амёбьи наши ухищрения?
Вращайся, дней пустых веретено!..
Назвали мы себя венцом творения
вполне всерьёз. Не правда ли, смешно?
Мы Божьи то теория, то практика,
наборы «Лего» в царстве полной тьмы...
Всё больше расширяется Гулагтика.
Всё больше места. И всё мельче мы.
Азарт Творца— в процессе затухания,
проект поднадоел ему слегка...
Прохладный воздух, нужный для дыхания,
забыв о нас, уходит в облака.

Рифы

Листок опавший тонок, ломок, рыж.
На нём узор, как на ладони, вышит...
Ответь себе: зачем ты говоришь?
Кому ты говоришь? Никто не слышит.
Темно— от девяти до девяти.
Стол, койка и разбитое корыто...
Все камеры в тюремной соцсети
давно от солнца наглухо закрыты.
Угрюмая кандальная строка
не тянется ни к счастью, ни к забаве.
Баланду подают ещё. Пока
её крысиным ядом не разбавив.
И пусть ты не разбил о стену лба,
добравшись до своей финальной точки,
пропáсть в толпе—обычная судьба
боящихся пропáсть поодиночке.
Где нет любви, сражённой наповал,
где в небесах из птиц одни лишь грифы,
там ненависть берётся за штурвал
и, видя рифы, курс берёт на рифы.